

ХОМБАК ЕВГЕНИЙ

ЛЮБОВЬ ПО РАСЧЕТУ

БЮРО АМАТОРСКИХ РАССЛЕДОВАНИЙ

Некоторые тайны нельзя

раскрыть в одиночку

Хомбак Евгений

Любовь по расчету

<https://litres.ru/74381838>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Петербурге открывает двери «Бюро аматорских расследований». Сюда приходят не за изменами и не за долгами. Здесь ищут ответ на вопрос: почему любовь перестала дышать?

Новое дело начинает Марина - женщина с безупречным мужем, идеальной квартирой и пустотой внутри. Её муж Андрей безукоризненно заботлив, пунктуален и безупречно холоден. Он не кричит, не изменяет, не пьёт. Он просто расписывает их жизнь по минутам и измеряет брак в KPI. Когда Марина разбивает чашку на завтрак, он уходит в отель, потому что она «нарушила алгоритм».

Но за внешней правильностью скрывается механизм, который страшнее скандалов. Чтобы найти ключ к этому браку, Марку Ветрову и его партнёрше Алисе придётся заглянуть в прошлое, которое Андрей похоронил тридцать семь лет назад. А заодно - столкнуться с собственными клетками, которые они так долго не замечали.

Сможет ли любовь, запрограммированная как расписание, стать живой? Или идеальный брак - это просто самая изящная тюрьма?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	24
Глава 2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Хомбак Евгений

Любовь по расчету

Пролог

Человек, который любил по плану

Январское утро в Петербурге — это не время суток. Это состояние абсолютной, беспросветной мглы, которая неохотно отступает лишь к одиннадцати часам дня, чтобы уже в четыре пополудни снова затянуть город в ледяной саван. Но на двадцать первом этаже элитного жилого комплекса на Крестовском острове не было ни мглы, ни савана. Здесь, за тройными стеклопакетами, которые стоили больше, чем иномарка среднего класса, царил свой собственный, искусственно выращенный климат. И он был безупречен.

Марина лежала неподвижно, чувствуя, как под веками медленно наливается тяжесть предстоящего дня. Она не спала уже, наверное, час — с той самой минуты, когда в груди начал разрастаться ком тревоги, с которым она просыпалась каждое утро последние полгода. Она слышала, как за окном завывает ветер, как где-то внизу, на двадцатиэтажной высо-

те, снег глухо бьётся о стекло, но внутри квартиры не проникало ни звука. Ни скрипа половиц, ни гула отопления, ни случайного щелчка — система «Умный дом» работала бесшумно, как часовой механизм, который никогда не сбивается.

Она лежала на спине, стараясь дышать ровно и глубоко, чтобы не выдать себя. Левое плечо затекло, потому что она боялась пошевелиться — боялась, что даже этот микроскопический шорох, это едва заметное движение простыни разбудит его. Разбудит — и тогда начнётся. Не скандал. Не ссора. Хуже. Начнётся его утро. Его идеальное, расписанное по секундам, откалиброванное до миллиграмма кофеина утро, в котором для неё, Марины, было отведено ровно двадцать восемь минут.

Она знала эти двадцать восемь минут наизусть. Каждую секунду. Каждый вдох. Каждый шорох собственных пальцев, которые должны были успеть: подогреть миндальное молоко ровно до шестидесяти градусов, выложить ягоды голубики в идеально ровный ряд, нарезать ферментированную овсянку так, чтобы она не слиплась, и поставить на стол чашку — ту самую, матово-чёрную, без ручки, которую он выбрал четыре года назад в миланском шоу-руме, потому что «она эргономична и не отвлекает внимание».

Марина помнила этот день. Милан. Сентябрь. Она тогда ещё улыбалась — по-настоящему, не репетируя перед зеркалом. Они зашли в магазин посуды, и она взяла в руки жёлтую кружку — смешную, с неровным ободком, ручной работы. «Смотри, Андрей, какая тёплая!» — сказала она. Он посмотрел на кружку, потом на неё, потом на ценник. «Марина, — сказал он ровно, — эта кружка не подходит к интерьеру. И вообще, цветовая температура жёлтого раздражает визуальное восприятие. Возьми чёрную. Она универсальна». Она взяла чёрную. Она всегда брала то, что он говорил.

Сейчас, в этой огромной кровати с ортопедическим матрасом, который стоил как её первая машина, Марина лежала и думала: а если бы она тогда не взяла чёрную? Если бы сказала: «Нет, Андрей, я хочу жёлтую. Я хочу, чтобы у меня была своя кружка»? Что бы он сделал? Посмотрел бы на неё тем своим взглядом — пустым, сканирующим, как рентген, который видит не человека, а статью расходов. И она, наверное, сдалась бы. Как сдавалась всегда.

В 06:58, без единой секунды опоздания, система «Умный дом» запустила протокол пробуждения. Марина почувствовала, как шторы — плотные, блэкаут, на электроприводе — начали медленно, с едва слышным шелестом, ползти вверх. Она знала этот звук так же хорошо, как стук собственного сердца. Шелест шёлка о стекло. Начиналось. Встроенная по-

толочная подсветка залила спальню холодным, постепенно нарастающим светом температуры четыре тысячи кельвинов — этот свет был призван мягко подавлять мелатонин, не раздражая сетчатку. Идеально. Научно обоснованно. Бездушно.

Ровно в 07:00 Андрей открыл глаза.

Марина почувствовала это — не услышала, не увидела, а именно почувствовала кожей, спиной, каждой клеткой своего тела, которая за эти семь лет научилась читать его молчание лучше, чем любые слова. Он не потянулся, не зевнул, не приоткрыл веки, привыкая к свету. Он просто — открыл. Как компьютер, который выходит из спящего режима. Секунда — и система загружена. Андрей сел на краю кровати. Двадцать секунд. Она знала этот ритуал: двадцать секунд он сидел неподвижно, глядя в одну точку, стабилизируя артериальное давление. Потом встал, бесшумно ступая босыми ногами по тёплому керамограниту, и направился в ванную.

Марина притворилась спящей. Она зажмурилась так сильно, что в глазах заплясали оранжевые круги, старалась дышать ровно и глубоко, чтобы он — если вдруг обернётся — не заметил, как дрожит её грудная клетка. Только когда за ним закрылась матовая стеклянная дверь, только когда из ванной донёсся звук воды — ровный, мощный, как водопад, — она позволила себе открыть глаза и судорожно выдохнуть.

Спальня была пуста. Но не «пуста» в смысле «в ней никого нет». Пуста — как операционная после того, как из неё вынесли все инструменты. Идеальный порядок. Кровать с заправленными краями. Прикроватная тумбочка — только на его стороне. На ней — электронные часы, проецирующие время на стену, и стакан воды, который он никогда не допивал до конца. На её стороне — ничего. Ни книги, которую она читала перед сном. Ни телефона. Ни чашки с водой. Ничего. Когда три года назад она робко спросила: «Андрей, можно мне поставить свою тумбочку?», он ответил: «Зачем? У тебя же есть место в гардеробной. Спальня — это зона для сна, а не для захламления». Она не стала спорить. Она давно перестала спорить.

Марина вскочила с кровати, накинула шёлковый халат — подарок на прошлый Новый год, цвет — «антрацит», потому что он сказал, что это «практично» — и побежала на кухню. Босиком по подогреваемому полу, который каждое утро обжигал её ступни не теплом, а сознанием того, что даже воздух здесь подчиняется ему. Она бежала, потому что у неё было ровно двадцать восемь минут. Андрей выйдет из ванной в 07:30. Ровно. Ни секундой раньше, ни секундой позже. Он оденется (рубашка — выглажена домработницей во вторник, брюки — со стрелками, которые способны резать бумагу), выйдет на кухню, сядет за остров, просмотрит свод-

ку РБК на планшете и съест свой завтрак. Триста пятьдесят килокалорий. Ни граммом больше. И если завтрак не будет подан в 07:30 — если он будет подан в 07:33, как сегодня, — что-то сломается. Она знала. Она уже видела, как ломается.

Кухня была продолжением гостиной — стерильное пространство из матового чёрного акрила, натурального камня и хрома. Ни одной лишней детали на рабочих поверхностях. Андрей ненавидел визуальный шум. «Хаос в пространстве рождает хаос в процессах», — любил повторять он. И Марина, стоя у холодильника, чувствовала, как этот хаос в процессах уже начинает зарождаться в ней самой — где-то в груди, в рёбрах, в лёгких, которые отказывались дышать полной грудью.

Она достала миндальное молоко — упаковка, открытая вчера, срок годности — ещё три дня. Свежие ягоды голубики — она перебрала их накануне вечером, убрав те, что были слишком мягкими или с пятнышками. Контейнер с ферментированной овсянкой, замоченной с вечера. Всё как он любит. Всё по инструкции. Всё по его, Андрея, внутреннему регламенту, который она выучила наизусть за семь лет, как стихотворение, которое читаешь во сне.

Марина включила кофемашину. Аппарат глухо заворчал, перемалывая зёрна. Она любила этот звук — он был живой,

единственный живой звук в этой квартире, в этом доме, в этой жизни. Она потянулась за правильной кружкой — матово-чёрной, без ручки, с идеально ровным ободком. Стояла она на верхней полке, третья слева. Марина знала это. Она знала расположение каждой чашки, каждой тарелки, каждой вилки. Она могла расставить посуду на столе с закрытыми глазами — и даже тогда всё было бы идеально.

Но пальцы, предательски дрогнув, скользнули по гладкой керамике.

Она не поняла, как это произошло. Может быть, она слишком сильно сжала кружку? Может быть, на её пальцах осталась влага от мытья рук? Или это просто — она устала. Устала держать. Устала быть идеальной. Устала считать минуты. Кружка выскользнула, ударилась о каменную столешницу и с сухим, резким треском разлетелась на три крупных осколка.

Марина замерла.

Внутри неё всё оборвалось. Этот звук — треск керамики о камень — был громче, чем любой крик. Он разорвал утреннюю тишину на части, и в этих частях, разлетевшихся по кухне, она увидела себя — свою жизнь, своё отражение, свои семь лет. Она с ужасом уставилась на осколки. Чёрные,

острые, как осколки её собственного мира. Каждый осколок казался ей куском того, что она когда-то строила — и что теперь лежало у её ног, безнадёжно разбитое.

07:26.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Она бросилась к шкафчику, схватила совок и щётку. Руки тряслись. Она сметала осколки, как сметают улики, как прячут следы преступления. В голове стучала одна мысль: «Успеть, успеть, успеть». И в этом стуке не было места для боли — только для паники. Она уколола палец острой гранью осколка — даже не заметила сразу, только когда на белую столешницу упала яркая, алая капля крови. Она посмотрела на неё, на эту маленькую каплю, которая расплывалась по идеально чистому мрамору, и подумала: «Хорошо. Хотя бы это не на овсянку».

«Господи, да что же это...» — прошептала она, глотая слёзы. Слёзы не текли — они стояли где-то за глазами, за горлом, за грудиной, и давили так сильно, что она не могла дышать. Она схватила бумажное полотенце, начала лихорадочно оттирать кровь — белая столешница впитывала красное, как губка. Пятно становилось бледнее, но не исчезало совсем. «Ничего. Потом замою. Главное — сейчас».

Она метнулась к шкафчику за новой кружкой. Та же чёрная, та же матовая, та же без ручки. Она поставила её под носик кофемашины, нажала кнопку. Эспresso полился слишком поздно. Она опоздала на десять секунд. Десять секунд — и молоко, которое она грела в сотейнике, перегрелось до шестидесяти трёх градусов. Андрей чувствовал эту разницу. Он всегда чувствовал. Марина выключила плиту, схватила ягоды голубики и начала выкладывать их в овсянку — не так ровно, как он любил. Одна ягода скатилась на край тарелки. Она оставила её. Не было времени.

Щелчок двери ванной комнаты прозвучал для неё как удар судейского молотка.

Она услышала его шаги — ровные, неторопливые, уверенные. Он вышел на кухню, и воздух вокруг него мгновенно изменился. Словно температура упала на пару градусов. Марина стояла за кухонным островом, прижимая к груди бумажное полотенце, на котором расплывалась свежая, ещё тёплая кровь. Она смотрела на него — на его безупречно выглаженную рубашку, на его идеально зачёсанные ещё влажные волосы, на его спортивное тело, которое двигалось с механической, почти пугающей точностью. От него пахло дорогим парфюмом с нотами ветивера и озона — запах чистоты и контроля. Запах, от которого у Марины сводило живот каж-

дое утро.

Андрей подошёл к кухонному острову. Он не смотрел на неё. Он смотрел на стол — на тарелку с овсянкой, на кружку с эспрессо, на влажное пятно на мраморной столешнице, которое она уже почти оттерла. Он поднял левую руку, бросил взгляд на циферблат матовых A. Lange & Söhne. Часы стояли как небольшой дом в Ленинградской области. Марина помнила, как он выбирал их — «инвестиция в статус», — и как она тогда подумала: «Странно, часы измеряют время, а он измеряет всё остальное».

«Семь часов тридцать три минуты», — сказал он. Его голос был ровным. Никакого металла, никакой злости. Просто констатация факта. Голос диктора в аэропорту, объявляющего о задержке рейса. Ни возмущения, ни разочарования, ни даже лёгкого недовольства. Только — информация. Он мог бы сказать «температура воздуха — минус двенадцать», и интонация была бы той же.

«Андрей, прости меня, пожалуйста», — затараторила Марина, и её голос дрожал от паники и унижения, которые смешались в один коктейль, выплёскивающийся наружу. Она чувствовала, как краснеют щёки, как горло сжимается, как слова путаются и натыкаются друг на друга. «Чашка выскользнула, я порезалась, пришлось убирать... Кофе сейчас

будет готов, буквально секунду, молоко уже греется...»

Она ждала. Она ждала, что он разозлится. Что он повысит голос. Сделает выговор. Если бы он накричал на неё, это означало бы, что ему не всё равно. Что он живой человек, способный испытывать раздражение, гнев, разочарование. Что она для него — не просто функция, а человек, который может его задеть. Она хотела, чтобы он закричал. Она хотела, чтобы он ударил кулаком по столу. Она хотела — она это понимала, и это было ужасно — она хотела, чтобы он ударил её. Хотя бы раз. Чтобы она почувствовала, что он вообще способен на что-то, кроме этого ледяного, протокольного равнодушия.

Но Андрей не кричал.

Его лицо оставалось абсолютно бесстрастным, словно высеченным из мрамора. Он посмотрел на её окровавленный палец, затем на кофемашину, затем на овсянку с небрежно брошенной голубикой. В его глазах — холодных, серо-голубых, как балтийский лёд в феврале — на секунду мелькнул вычислительный процесс. Он словно взвешивал переменные: время задержки, эмоциональный фон жены, потенциальный ущерб для своей утренней эффективности. Марина видела это. Она научилась читать его взгляд за семь лет. В нём не было боли, не было обиды, не было даже раздраже-

ния. Только — расчёт.

Вычисления были завершены.

Андрей молча отвернулся от стола и направился в гардеробную. Марина замерла, не смея дышать. Она смотрела ему в спину — в эту идеальную, прямую спину, в эти широкие плечи, которые никогда не обнимали её просто так, без повода, без расписания. И она поняла, что происходит. Она знала этот жест. Она видела его однажды — год назад, когда он уехал в командировку на две недели, не сказав ей ни слова, просто собрав сумку и закрыв за собой дверь.

«Что ты делаешь?» — прошептала она, подходя к дверям гардеробной. Страх сковал её горло, и слова выходили хрипылыми, не своими. «Дима, я всё сейчас поставлю...» Она оговорила. Назвала его именем другого человека — того, кого не было, кто был выдуман, кто остался в её прошлой жизни, до Андрея, до этой квартиры, до этого холода. Она не заметила. Он — заметил. Он всегда замечал. Но ничего не сказал.

«Марина», — он закрыл молнию на сумке с тихим вжиканьем. Повернулся к ней. В его голосе по-прежнему не было ни капли агрессии. Только сухой, безжизненный холод операционной. «У меня сегодня сложный день. Три ключевых раунда переговоров. Мой утренний тайминг — это фунда-

мент моей продуктивности. Твоя неорганизованность сбивает мой график и создает избыточный эмоциональный фон, который снижает мою концентрацию».

Он прошел мимо неё в прихожую. Снял с вешалки пальто. Движения его были точными, отлаженными, как у хирурга, который готовится к операции. Ни одного лишнего жеста. Ни одной секунды раздумий.

«Я... я же просто разбила чашку», — из глаз Марины брызнули слёзы. Слёзы, которые она сдерживала семь лет, прорвались наружу, и она уже не могла их остановить. Она чувствовала себя бракованной техникой, которую списывают с баланса. Бракованной, неисправной, не подлежащей ремонту. «Я порезалась. Я убирала. Я не хотела...»

«Дело не в чашке, — сказал он, надевая пальто. — Дело в нарушении алгоритма». Он подхватил сумку, кожаную, Louis Vuitton, которую она купила ему на день рождения три года назад — и которую он взял с собой в тот самый день, когда всё сломалось. «Я снял номер в «Астории» до конца недели. Мне нужна стабильная среда для подготовки к сделке. Я перевёл на твою карту сумму, достаточную для доставки готовых ужинов из ресторана. Клининг приедет в четверг, как обычно. Постарайся восстановить свой эмоциональный баланс к выходным».

Он открыл входную дверь.

«Андрей!» — Марина бросилась к нему, схватив за рукав дорогого пальто. Её трясло. Всё тело дрожало, как в лихорадке. «Ты уходишь из-за трёх минут?! Пожалуйста, не оставляй меня так! Поговори со мной!»

Он остановился. Аккуратно, но непреодолимо жестко разжал её пальцы, снимая её руку со своего предплечья. Она чувствовала, как его пальцы — холодные, сухие, сильные — отрывают её от себя. Как будто она — паразит. Как будто она — что-то, что мешает ему дышать.

«Мы поговорим в субботу, — сказал он. — В наше запланированное время. До свидания, Марина».

Дверь закрылась с мягким, дорогим щелчком электронного замка. И этот звук — глухой, влажный, как удар по стеклу — был последней каплей. Марина осталась стоять в огромном, пустом холле. В квартире было тепло, пол приятно грел босые ноги, умный свет создавал идеальную атмосферу. В холодильнике лежали свежие продукты — лосось, авокадо, шпинат, всё, что она купила вчера по его списку. На банковском счету лежали деньги, способные решить любую бытовую проблему. Андрей обеспечил её всем. Он оплатил её

комфорт. Он закрыл её базовые потребности. Он сделал всё, чтобы ей не в чем было нуждаться.

Кроме одного.

Она медленно сползла по гладкой стене на пол. Шёлковый халат скользнул по стене, по полу, и она оказалась сидящей на подогреваемом керамограните, обхватив колени руками. Она не плакала. Слезы кончились. Осталась только пустота — огромная, звенящая пустота, которая заполнила всю квартиру, весь этот идеальный дом, всё это идеальное утро. Она завывала. Не плакала, не всхлипывала — завывала. Глухо, надрывно, как воеет раненое животное, которое забилось в угол и не может встать.

Её муж не был тираном. Он не был садистом. Он не кричал, не бил, не унижал её словами. Он не изменял, не пил, не проигрывал деньги в казино. Он был идеальным мужем — на бумаге. На банковском счёте. Но внутри этой идеальной оболочки, внутри этого идеального тела, внутри этой идеальной квартиры — там, где должно было быть сердце, — был холод. Мёртвый, безжизненный холод, от которого не спасали ни деньги, ни забота, ни триста пятьдесят килокалорий идеального завтрака.

Она подняла голову и посмотрела в окно. За панорамным

стеклом бесновалась метель, снег летел горизонтально, за-
лепляя стекло белыми хлопьями, но в квартире было тихо.
Идеальная тишина. Идеальный комфорт. Идеальная пусто-
та.

Марина вдруг вспомнила, как семь лет назад, в день сва-
дьбы, она стояла перед зеркалом в белом платье Priscilla
Welch, которое стоило восемнадцать тысяч евро, и улыба-
лась. Сейчас она поняла, что улыбалась тогда не потому, что
была счастлива. Она улыбалась потому, что Андрей сказал:
«Улыбнись. Фотограф ждёт». И она улыбнулась. И на всех
свадебных фотографиях, которые стояли в рамках на полке
в гостиной, у неё были глаза человека, который уже тогда
знал: она выходит замуж не за человека.

За окном выл ветер, и Марина сидела на полу, прижимая
к груди окровавленное бумажное полотенце, и думала о том,
что будет дальше. Что будет через неделю. Через месяц. Че-
рез год. Будет ли он снова сидеть напротив неё и говорить
«мы поговорим в субботу, в наше запланированное время»?
Или она однажды проснётся и поймёт, что больше не может?
Что больше не хочет? Что больше не чувствует ничего — ни
страха, ни боли, ни надежды. Только холод.

Она поднялась. Медленно, опираясь на стену. Подошла
к столу, где стояла нетронутая тарелка с овсянкой и пере-

гретый эспрессо. Она взяла кружку — чёрную, матовую, без ручки — и поднесла к губам. Кофе был горьким. Слишком горьким. Она поставила кружку обратно и посмотрела на свою руку. На палец, на котором засохла кровь. На маленькую ранку, которая уже начала затягиваться.

«Я не умру, — подумала она. — Я не умру от этого. Но что-то во мне умрёт. Сегодня. Сейчас. Прямо здесь. В этой идеальной квартире, в этом идеальном утре, в этой идеальной жизни».

Она взяла телефон. Открыла контакты. Нашла номер, который сохранила полгода назад, когда прочитала статью в «Собаке.ru» о каком-то странном Бюро Аматорских Расследований. Она тогда подумала: «Это не про меня». А сейчас поняла: это про всех. Про каждую женщину, которая просыпается с тяжестью в животе. Про каждого мужчину, который умеет любить только по расписанию. Про каждую пару, которая застряла между «правильно» и «живо».

Она нажала кнопку вызова.

Гудок. Два. Три.

«Алло, Бюро Аматорских Расследований, Алиса слушает».

Марина открыла рот, но слова застряли в горле. Она слышала только собственное дыхание — хриплое, рваное, как у человека, который только что вынырнул из воды.

«Я... — начала она. — Мне нужна помощь. Мне... мне кажется, я схожу с ума. У меня идеальный муж. Идеальный дом. Идеальная жизнь. И я... я хочу умереть. Не потому что мне плохо. Потому что мне — ничего. Совсем ничего. Понимаете?»

В трубке помолчали. Потом голос — мягкий, тёплый, с лёгкой хрипотцой — сказал:

«Понимаю. Приезжайте. Прямо сейчас. Я буду ждать».

Марина нажала «отбой». Посмотрела на телефон. Потом на окно. Потом на разбитую кружку, осколки которой она смахнула в ведро. Потом на свою руку, на засохшую кровь.

«Завтра, — подумала она. — Завтра я позвоню ему. В наше запланированное время. В субботу. Я скажу ему... Я не знаю, что я скажу. Но я скажу что-то, что никогда не говорила».

Она взяла пальто, накинула его поверх халата, надела са-

поги и вышла из квартиры.

Дверь за ней закрылась с мягким, дорогим щелчком электронного замка.

И в этом звуке было что-то окончательное. Что-то, что Марина не могла объяснить словами, но чувствовала всем телом: она переступила порог. Не квартиры. Своей собственной жизни. Той, в которой у неё не было ни тумбочки, ни голоса, ни права на «нет». И той, которая — может быть, только может быть — только начиналась.

За окнами бесновалась метель, но в груди Марины, впервые за полгода, затеплилось что-то маленькое, хрупкое, почти неуловимое. Что-то, что не было ни страхом, ни надеждой. Что-то вроде... вопроса.

А вопросы, как она узнает совсем скоро, иногда бывают важнее ответов.

За стеклянными стенами идеальной квартиры, на двадцать первом этаже, в остывающей тишине, остались стоять на столе чёрная кружка с недопитым эспрессо и тарелка с овсянкой. Ягоды голубики, которые Марина бросила в спешке, по-прежнему лежали неаккуратно. Одно пятно на мраморной столешнице — от крови, которую она не успела оттереть

до конца. Время на электронных часах, проецирующих цифры на стену, показывало 07:46.

Через тридцать три минуты в этой квартире зазвонит телефон. Домработница, у которой был ключ, спросит, почему не заказана уборка. Никто не ответит.

Через сорок минут Андрей Кравцов, сидя в номере «Астории» и просматривая сводку РБК, бросит взгляд на телефон. Ни одного пропущенного вызова от жены. Он нахмурится — впервые за утро. На одну секунду. Потом пожмёт плечами и продолжит читать.

Он не знал, что Марина только что сделала первый шаг. Не к нему. От него. К себе.

И что этот шаг изменит всё.

Но это будет уже завтра.

А сегодня — сегодня Петербург за окнами «Астории» тонул в снегу, и мир продолжал жить по расписанию. Как будто ничего не произошло.

Глава 1

Клиентка с идеальным мужем

Девять утра на Рубинштейна — это час, когда улица ещё помнит вчерашний перегар, но уже забыла вчерашнюю музыку. Здесь, в этих дворах-колодцах, время течёт по-своему: сначала ночные клубы выдыхают последних посетителей, потом дворники начинают свою методичную, почти медитативную работу, и только к девяти, когда воздух становится прозрачным и холодным, город окончательно просыпается для дневной жизни.

Марк Ветров стоял у окна своего кабинета на втором этаже и наблюдал за дворником в оранжевом жилете. Тот методично сгребал снег в чёрные кучи вдоль тротуара — снег падал с ночи, мягкий, пуховый, не петербургский, скорее московский, приглашённый на Неву по ошибке. Марк любил этот контраст: как снег, который должен быть холодным и колючим, вдруг становится тёплым и уютным, и как город, который должен быть суровым и неприступным, вдруг позволяет себе минуту мягкости.

Он стоял в своей обычной позе — чуть ссутулившись,

руки в карманах чёрных брюк, без пиджака, в одной лишь белой рубашке с закатанными рукавами. Очки — тонкая металлическая оправа, стёкла без диоптрий, просто чтобы скрыть усталость в глазах — сидели на переносице чуть криво, и он не поправлял их. За три месяца после дела Воронцовых Марк привык к этому кабинету, к этому окну, к этому виду на замёрзший двор-колодец. Он привык к тишине, которая заполняла помещение до девяти утра, и к тому, как в девять пятнадцать эта тишина взрывалась звонком колокольчика над входной дверью, и в его жизнь входила очередная порция чужой боли.

Марк любил такие моменты — тихие, пустые, без людей. Его 1-я Сторге — функция направления, смысла, вектора — в такие часы отдыхала. Не нужно было никого вести, никого структурировать, никого спасать от их собственных паттернов. Можно было просто стоять, слушать, как тикают настенные часы, и думать о том, что через двенадцать минут откроется дверь и внесёт в кабинет новую историю. Он знал, что каждая история будет похожа на предыдущую и одновременно совершенно другой. Боль всегда разная. Даже когда она приходит в одном и том же обличье — разбитые надежды, утраченная любовь, невысказанные слова, — у каждой боли свой цвет, свой вкус, свой звук.

За три месяца после дела Воронцовых Бюро Аматор-

ских Расследований обрело тихую, устойчивую репутацию в очень узком кругу. Сарафанное радио работало странно: бывшие клиенты не рассказывали о Марке друзьям за ужином, но тихо, почти шёпотом, передавали адрес знакомым, у которых «всё нормально, но что-то не так». Марк принимал два-три дела в месяц — достаточно, чтобы не потерять форму, и достаточно, чтобы не утонуть в чужом горе. Это была идеальная нагрузка. Не для денег — для интереса.

Деньги приносила Алиса. Вернее, её статья «Бюро, где нет злодеев», опубликованная в «Собака.ru», а потом перепечатанная «Городом 812» и несколькими психологическими порталами. После статьи пошли звонки — не все полезные, но Марк научился фильтровать их ещё на этапе первого разговора. Он слышал голос за дверью, слышал, как собеседник дышит, как ставит ударения, как паузы длиннее обычного — и понимал, стоит ли брать трубку. Это была не магия. Это был опыт.

Сегодняшнее дежурство вела Алиса — она сидела в зоне отдыха у входа, за маленьким столиком, который они оборудовали под ресепшен. Марк слышал из-за приоткрытой двери её голос — мягкий, тёплый, с лёгкой хрипотцой, которую она включала, когда разговаривала с теми, кто ещё не знал, зачем пришёл. У Алисы был особый дар: она умела говорить так, что человек на том конце провода чувствовал себя услы-

шанным, даже если не произнёс ещё ни слова. Марк знал этот дар — и ценил его. Его 3-я Филия и 4-й Эрос, функции, которые он перестал стыдиться и научился делегировать, в эти минуты отдыхали. Алиса брала на себя атмосферу. Он брал на себя структуру.

«Алло, Бюро Аматорских Расследований, Алиса слушает. Да, мы работаем с отношениями. Нет, мы не ищем изменщиков. Мы ищем, почему... Хорошо. В среду в одиннадцать? Записываю».

Марк усмехнулся, не оборачиваясь. Его партнёрша за три месяца превратилась из случайной журналистки с горящими глазами в профессионала с твёрдым расписанием. Она всё ещё опаздывала на пять минут. Всё ещё приносила круассаны, от которых Марк отказывался. Всё ещё оставляла на его безупречном паркете лужицы с ботинок. Но теперь её 1-й Эрос работал в связке с его системой, а не против неё. Теперь они были командой — не идеальной, не отлаженной, но живой. И это было важнее любой эффективности.

В 09:47 колокольчик над дверью звякнул.

Марк обернулся, автоматически проверив доску, которая висела на стене справа от его рабочего стола. На стекле ещё виднелись обрывки схем. Он потянулся за пульверизатором,

чтобы убрать следы вчерашних размышлений, но в коридоре раздался голос Алисы, и он остановился.

«Здравствуйте. Вы к Марку? Давайте пальто помогу. Ой, какая у вас красивая варежка. Связали сами?»

Пауза. Тихий, почти беззвучный всхлип.

«Вы... вы не против, если я пока вас не буду спрашивать, что случилось? Сначала кофе. У меня есть миндальный и есть с корицей. Миндальный — без сахара, с корицей — это вообще гликемический кошмар, но он лучше греет. Что выберете?»

Марк закрыл глаза на секунду. Его партнёрша работала идеально. Она не задавала вопросов, потому что знала: человек, который пришёл в Бюро в девять утра в январе, ещё не готов к вопросам. Ему нужно тепло. Ему нужно чужое присутствие, в котором можно не держать лицо. Алиса давала это тепло — не словами, не советами, а тем, как она двигалась, как дышала, как держала паузу. Она была живым напоминанием о том, что мир не состоит из одних схем.

Через три минуты Алиса приоткрыла дверь кабинета и просунула голову. Волосы её были растрёпаны — она не успела причесаться после метро, — и на щеке виднелся след

от подушки. Марк знал, что она ночевала у подруги и едва успела на дежурство. Это была не небрежность — это была жизнь.

«Шерлок. У нас гостя. Минут десять ей дашь? Она ещё не готова».

«Что приняла?»

«Корицу. Правильный выбор».

«Внешние маркеры?»

Алиса помолчала. Потом сказала тихо, почти шёпотом:

«Она пришла в светлых вещах. Чистая, ухоженная, маникюр, укладка. Но руки трясутся. Она их прячет в рукавах пальто. И она трижды извинилась, пока шла от двери до кресла. Трижды. За то, что потоптала коврик, за то, что заняла моё время, за то, что вообще пришла».

Марк кивнул. Этого было достаточно. Он не знал ещё, что привело эту женщину в Бюро, но уже мог сказать: она привыкла извиняться. Она привыкла занимать мало места. Она привыкла быть невидимой. И при этом — она пришла. Значит, внутри неё что-то сломалось. Что-то, что было сильнее

страха.

«Десять минут, — сказал он. — Потом заходи вместе».

В 09:58 Алиса ввела клиентку в кабинет.

Марк сразу увидел то, о чём говорила Алиса, и кое-что сверх того. Женщине было около тридцати — высокая, хрупкая, с мягкими русыми волосами, собранными в низкий узел на затылке. Светло-серое кашемировое пальто. Бежевые замшевые ботильоны на невысоком каблуке. Шёлковый шарф цвета топлёного молока. Ничего яркого, ничего кричащего. Одежда женщины, которая привыкла быть фоновой, не главой композиции. Но Марк видел больше: это была одежда человека, который давно выучил, что если не выделяться, то не попадёшься. Если не привлекать внимания, то не навлечёшь на себя опасность. Если быть удобной — тебя не выгонят.

Глаза — серые, большие, с длинными светлыми ресницами — были красными от недавнего плача, но сейчас она не плакала. Она держалась. Марк увидел, как она машинально провела ладонью по шарфу, расправляя уже идеально лежащую ткань. Жест человека, который живёт в расписании и контролирует то, что может контролировать. Жест человека, который боится потерять контроль даже над такими мелоча-

ми, потому что если потерять контроль здесь, то можно потерять его везде.

«Марина, — представила Алиса. — Марк Ветров. Я рассказала ей немного о том, как мы работаем».

«Здравствуйте», — Марина протянула руку. Ладонь была тёплой, но пальцы подрагивали — мелкая, почти незаметная дрожь, которую Марк уловил только потому, что научился замечать такие вещи. Он на секунду задержал её руку в своей — ровно на полторы секунды дольше, чем требовало приличие. Он чувствовал её пульс — учащённый, неровный — и сухость кожи, которая бывает у людей, которые не высыпаются из-за постоянного напряжения.

Она не отвела глаза. Она вообще не знала, куда смотреть. Взгляд скользнул по его очкам, по шраму на брови, по доске со схемой, по стопкам бумаг на столе, по окну, за которым продолжал падать снег, и снова вернулся к его лицу. Она не пыталась его прочитать. Она ждала приговора. Марк знал этот взгляд: взгляд человека, который привык, что его оценивают, и который уже заранее знает, что оценка будет низкой.

«Садитесь», — Марк указал на кресло для клиентов. Кресло было одно, высокое, с подлокотниками из тёмного

ореха. Он специально выбрал его — не слишком мягкое, чтобы клиент не расслаблялся, и не слишком жёсткое, чтобы не чувствовал себя в кабинете следователя. Идеальный баланс между комфортом и осознанностью. Алиса обычно садилась в зону отдыха чуть сбоку, чтобы клиент не чувствовал давления «двоих против одного». Сегодня она так и поступила — свернулась калачиком в низком кресле у окна, положив на колени блокнот. В её позе было что-то уютное, почти домашнее — она держала блокнот, как держат книгу перед сном, и это создавало ощущение безопасности.

Марина села. Села ровно, на край кресла, спина прямая, колени вместе, руки сложены на коленях. Марк отметил про себя: женщина, которая привыкла сидеть «правильно». Женщина, которую научили занимать как можно меньше места. Женщина, которая даже в кресле пытается быть незаметной.

«Марина, я слушаю вас. Только одно правило: я могу перебивать вопросами. Это не невежливость. Это метод».

«Да, Алиса предупредила». — Марина опустила глаза. Смотрела на свои руки, на идеально ровный маникюр, на безымянный палец, на котором сверкало обручальное кольцо — тонкое, платиновое, без камней. Марк заметил, как она на секунду коснулась его кончиками пальцев, как будто проверяла, на месте ли оно. «Я не знаю, с чего начать. Это зву-

чит... глупо».

«Глупых историй не бывает, — сказал Марк. — Бывают истории, которые стыдно рассказывать. Это разные вещи».

Он говорил ровно, без излишней мягкости и без сухости. Он знал: люди, которые приходят сюда, устали от сочувствия. Они устали от того, что им говорят «всё будет хорошо», когда они знают, что хорошо не будет. Они приходят за правдой — даже если эта правда будет болезненной. Марк давал им эту правду, но сначала — пространство, чтобы они могли произнести её вслух.

Марина вздохнула. Маленький, короткий вдох, словно она набирала воздух перед прыжком в холодную воду. Марк видел, как дрогнули её плечи, как она чуть сжала пальцы, как побелели костяшки на руках. Она собиралась с силами. Она собиралась с силами, чтобы произнести то, что не могла произнести семь лет.

«У меня идеальный муж», — сказала она.

И замолчала.

Марк не торопил. Алиса не торопила. В кабинете было слышно, как тикают настенные часы — старые, немецкие, с

маятником, которые Марк привёз из командировки в Мюнхен. Слышно, как за окном скрипит лопатой дворник. Слышно, как где-то в глубине двора звякает ключом сосед, открывая подъездную дверь. Обычные звуки обычного утра, которые казались особенно громкими в этой тишине, заполненной ожиданием.

«Его зовут Андрей, — продолжила Марина. — Ему сорок один. Он... владелец логистической компании. Не большой, но стабильной. Мы женаты семь лет. Детей нет. Он не пьёт. Не курит. Не изменяет. Не кричит. Никогда в жизни не поднял на меня голос».

Она произнесла это как отчёт. Как список. Как стихотворение, заученное наизусть, которое она читала себе каждое утро, чтобы убедить себя, что всё в порядке. Марк слышал это в её голосе — механическое перечисление, которое должно было заглушить тихий, настойчивый голос внутри неё, голос, который шептал: «Но почему мне так плохо?»

«Он обеспечивает меня. Полностью. У меня есть всё, что нужно. Квартира на Крестовском. Машина с водителем. Карты без лимита. Лечение, отпуск, одежда. Всё». — Она снова замолчала. На этот раз пауза была длиннее. Марк видел, как она борется с собой: хочет сказать что-то ещё, но не может подобрать слов.

«А что не так?» — спросил Марк ровно. В его голосе не было осуждения. Только вопрос. Простой, прямой, безоценочный вопрос.

Марина подняла на него глаза. И в этот момент Марк увидел то, что видел сотни раз в своей практике и что никогда не переставало его ранить — несмотря на то, что его 4-й Эрос был детской функцией, неспособной к полноценной эмпатии. Это было выражение человека, который не понимает, почему ему плохо, когда у него всё хорошо. Выражение человека, который подозревает, что сходит с ума. Выражение человека, который уже столько раз объяснял себе, что «всё нормально», что перестал верить собственным объяснениям.

«Я не знаю, — сказала она шёпотом. — Вот в чём дело. Я не могу объяснить. Он ничего не делает неправильно. Всё по правилам. Всё идеально. Но я... я задыхаюсь. Я боюсь его. Не боюсь, что ударит. Боюсь, что посмотрит. Знаете, как он смотрит? Как будто я... статья расходов. Или инвестиционный объект. Что-то, за чем он следит. Что-то, что должно приносить дивиденды».

Марк заметил, как она произнесла это слово — «дивиденды». Слово, которое явно не принадлежало её лексикону.

Слово, которое она слышала от кого-то другого и теперь носила в себе, как чужой предмет, который нельзя выбросить.

«Дивиденды?» — переспросил он.

«Это его слово. Не моё». — Марина нервно сглотнула. Горло её дрогнуло, и Марк увидел, как она с усилием подавила подступившие слёзы. «Я вспомнила. Года три назад мы были на корпоративе у его партнёра. И кто-то спросил Андрея: «Как у вас с Мариной? Всё хорошо?» А он ответил, не моргнув: «Лучше некуда. Лучший актив в моём портфеле». И все засмеялись. И я засмеялась. А потом ехала домой и думала: почему мне так холодно?»

«Портфель», — тихо повторил Марк. Он не делал пометок — он запоминал. Каждое слово. Каждую интонацию. «Актив», «портфель», «дивиденды» — эти слова были не случайными. Они были ключом к тому, как Андрей видел мир. И как он видел свою жену.

«Марина, расскажите мне про последний месяц. Без обобщений. Конкретные эпизоды».

«Их много».

«Выберите три. Самые тяжёлые».

Марина закрыла глаза. Марк видел, как она перебирает в голове эпизоды, как раскладывает их по порядку, как оценивает, какие из них самые болезненные, какие — самые показательные. Она была организована. Она была организованна чужой организованностью. Это была не её черта — это была черта, привитая ей Андреем за семь лет. Чужая дисциплина, в которой она существовала так долго, что перестала отличать её от своей собственной воли.

«Первый. Две недели назад. Я заболела. Грипп. Температура тридцать восемь и семь. Андрей отвёз меня к врачу, купил лекарства, заказал доставку еды, нанял сиделку на время, пока он на работе. Каждый вечер в восемнадцать тридцать он звонил по видео и спрашивал: «Таблетки приняла? Температуру смирila? Что ела?» Я отвечала. Он кивал. Говорил: «Молодец. Выздоровливай». И клал трубку. Через четыре дня я попросила его: «Андрей, приедь вечером. Просто посиди со мной. Мне одиноко». Он помолчал и сказал: «У меня встреча в двадцать ноль-ноль. Я не успею. Но если тебе станет хуже — звони сиделке, она дежурит». И не приехал».

Марина произнесла это с такой же ровной интонацией, с какой читала список «идеальных качеств» своего мужа. Но Марк видел: внутри неё что-то сжалось. Что-то, что семь лет назад, в день свадьбы, было живым и тёплым, сейчас пре-

вратилось в маленький, ссохшийся комок боли, который она носила в груди.

«Второй эпизод?» — спросил Марк.

«Вчера». — Голос Марины дрогнул. Впервые за весь разговор она позволила себе слабость. «Я разбила чашку. Утром. Кофе. Я не успела подать ему завтрак вовремя — опоздала на три минуты. Он не крикнул. Он никогда не кричит. Он просто... встал, молча собрал дорожную сумку и ушёл. Сказал, что снимает номер в «Астории» до конца недели, что ему нужна «стабильная среда для подготовки к сделке», что перевёл мне деньги на доставку ужинов, чтобы я «не отвлекалась на бытовые задачи». И ушёл. Дверь закрыл — мягко, без хлопка. И я... я осталась стоять в этой квартире, в тишине, и не знала, что мне делать. Понимаете? Я не знаю, что мне делать. Я не знаю, вернётся ли он. Я не знаю, нужно ли мне, чтобы он вернулся».

Марк слушал. Он слышал не только слова — он слышал тишину между ними. Тишину, которая была громче любых криков. Тишина женщины, которая семь лет жила в идеально звукоизолированной квартире и вдруг поняла, что самая страшная тишина — это та, что внутри.

«А третий?» — спросил он.

Марина посмотрела на Марка. В её взгляде было что-то вроде вины. Будто она собиралась признаться в чём-то постыдном.

«Третий — это я сама. Я поймала себя на том, что после того как он ушёл... я два часа сидела перед зеркалом и репетировала, что ему сказать, когда он вернётся. Я записывала фразы на бумажке. Я выстраивала диалог. Я готовилась к разговору с собственным мужем, как к собеседованию».

«Что вы репетировали?»

«Извинения». — Она опустила голову. Волосы упали на лицо, закрывая глаза. «Я хотела сказать ему, что я исправлюсь. Что я больше не буду разбивать чашки. Что я буду успевать. Что я буду хорошей. — Пауза. — И где-то в середине этого я вдруг поняла, что я его боюсь. Не как мужа. Как... начальника. Который может уволить».

Марк медленно откинулся в кресле. Он посмотрел на Алису. Алиса смотрела на Марину, и в её глазах — этих глазах цвета мелководья, которые умели быть и серыми, и зелёными в зависимости от света — стояли слёзы. Она не плакала. Но Марк видел, как её ладонь на блокноте сжалась до белых костяшек.

Он повернулся к Марине.

«Марина, я хочу задать вам один вопрос. Он может показаться странным. Но ответьте, пожалуйста, не думая».

«Да».

«Когда Андрей помогает вам — вот эти все лекарства, доставка, сиделка, деньги — как вы себя чувствуете в этот момент? Не потом. Не когда остаётесь одна. А в сам момент, когда он это делает».

Марина замерла. Марк видел, как в её глазах происходит что-то, чему она сама не может дать имени. Секунда. Две. Три. Она смотрела в пустоту перед собой, и в этой пустоте, казалось, отражались все семь лет её брака.

«Мне стыдно, — сказала она наконец, очень тихо. — Мне стыдно. Как будто я... не могу сама. Как будто я дефектная. Как будто он мне помогает, чтобы я... понимала, что без него я ничего не стою».

«Спасибо, — сказал Марк. — Это очень важно».

Он поднялся, подошёл к доске и взял чёрный маркер. Не

красный. Красный был для приговора. Чёрный — для разметки. Он написал в центре стекла крупными буквами два слова. Одно над другим.

АГАПЕ

ПРАГМА

«Марина, вы когда-нибудь слышали о типологии Аматорика?»

«Нет».

«Это нормально. Через пятнадцать минут вы будете знать о ней больше, чем большинство психологов». — Он повернулся к ней. Его голос стал чуть мягче — ровно настолько, чтобы она поняла: то, что он сейчас скажет, не приговор, а ключ. «В Аматорике есть четыре формы любви. Они известны со времен Древней Греции. Эрос — симпатия, влечение. Филия — дружба, доверие. Сторге — направление, воспитание. И Агапе — забота, помощь. Это позитивный паттерн. Здоровая забота. Когда человек помогает другому просто потому, что другой есть. Без условий. Без контракта. Без дивидендов».

«А Прагма?» — переспросила Марина, и в её голосе по-

явилась какая-то жадность, словно она наконец-то услышала слово, которое искала всю жизнь.

«Прагма — это тень Агапе. Деструктивный паттерн. Когда забота становится сделкой. Когда помощь становится инвестицией. Когда один человек помогает другому — но всегда с расчётом: «Я тебе — это, ты мне — то». Это не обязательно злой умысел. Чаще всего это бессознательно. Человек искренне верит, что заботится. Но его забота имеет курс валюты. И он следит за котировками».

Марина смотрела на доску. Марк видел, как у неё по щекам медленно, беззвучно текут слёзы. Она не всхлипывала. Она просто смотрела на два слова — АГАПЕ и ПРАГМА — и тихо плакала, словно наконец-то увидела на экране то, что всегда знала, но не могла сформулировать. Словно кто-то дал ей название для той боли, которая сидела в ней годами.

«Это он, — сказала она шёпотом. — Это всё он. Он... он же мне помогает. Правда помогает. Но я каждый раз чувствую... что я ему за это должна. Что я должна быть благодарной. Что я должна быть хорошей. Что если я не буду хорошей — он перестанет. И я останусь... ни с чем».

«Марина, — Марк положил маркер на лоток, шагнул бли-

же к её креслу, но не стал садиться — он стоял перед ней, сохраняя дистанцию, но давая ей чувство, что он здесь, рядом. — Я возьму ваше дело. Но прежде чем я скажу, что мы будем делать, мне нужно, чтобы вы поняли одну вещь. Это важно для всего, что произойдёт дальше».

Он подошёл к ней и сел на край стола — так, чтобы быть с ней на одном уровне. Алиса в своём кресле чуть подалась вперёд, и Марк почувствовал её тепло, её поддержку, её молчаливое присутствие. Они были командой. И сейчас он говорил не только от своего имени — от имени их общей работы.

«Ваш муж — не злодей. И вы — не жертва. Ваш муж — человек, чья Агапе, его функция заботы, исказилась в Прагму. Это могло произойти по тысяче причин. Травма. Воспитание. Опыт. Мы будем это выяснять. Но когда мы это выясним, мы не будем его обвинять. И вы не будете его обвинять. Потому что обвинение — это тупик. А я не работаю в тупиках».

«А в чём вы работаете?» — спросила Марина, и в её голосе впервые за весь разговор прозвучало что-то, кроме страха. Любопытство. Слабая, робкая надежда.

«В ясности. Я работаю в ясности». — Марк снял очки и протёр их краем рубашки. Этот жест он делал всегда, когда

переходил к сути. «Когда мы закончим, вы не обязательно останетесь с ним. И не обязательно уйдёте. Но вы будете знать — точно, без сомнений — почему вам было плохо. И что с этим делать. Это и есть моя работа».

Марина медленно кивнула. Она больше не плакала. Слёзы высохли, оставив на щеках дорожки, которые она не вытирала. Она смотрела на Марка так, как смотрят человека, который впервые за семь лет не спросил её «а что ты сделала не так?», а просто поверил, что ей плохо. Просто признал её боль реальной. Просто дал ей право чувствовать.

«Алиса, — Марк повернулся к партнёрше. — Завтра. Десять утра. Список материалов от Марины. Мне нужны ежедневник Андрея за последние три месяца. Любые переписки, которые Марина готова передать. И список всех значимых событий их брака. Не хронологический — по эмоциональным пикам. Марина, вы сможете это сделать?»

«Да, — сказала Марина. Её голос был твёрже, чем десять минут назад. — Я... я всё сделаю».

«Хорошо. И ещё одно». — Марк помедлил. Это был вопрос, который он задавал всем клиентам и который всегда ставил их в тупик. Вопрос, который отделял тех, кто готов меняться, от тех, кто ищет оправданий. «Марина, что вы бу-

дете делать, если в конце расследования окажется, что Андрей не изменится? Что Прагма — это его природа, а не сбой? Что он не научится любить по-другому?»

Марина молчала долго. За окном дворник закончил свою работу и ушёл, оставив после себя идеальные чёрные кучи снега вдоль тротуара. Где-то наверху, в квартире над Бюро, хлопнула дверь. Обычный звук обычного утра, который вдруг показался слишком громким, слишком навязчивым в этой тишине ожидания.

«Я не знаю, — сказала она наконец. — Но я хочу знать. Я больше не могу жить в неведении».

Марк кивнул. Это был правильный ответ. Единственный ответ, с которым он брался за дело. Ответ человека, который готов стать автором своей жизни.

«Алиса, проводи Марину. И, пожалуйста, дай ей телефон психолога. Не для терапии. Для поддержки. Это будет непростая неделя».

Когда за ними закрылась дверь, Марк подошёл к доске и долго стоял перед двумя словами — АГАПЕ и ПРАГМА. Он смотрел на них, и в голове уже выстраивалась схема: линии, стрелки, гипотезы. Он чувствовал, что это дело будет

сложным. Не потому что Андрей был жестоким — нет, жестокость была бы проще. А потому что он был пустым. Пустота всегда труднее. Пустоту нужно заполнять, а не просто вскрывать.

Марк взял красный маркер и провёл между двумя словами тонкую, дрожащую линию. Не стрелку. Линию. Границу. За этой границей начиналась чужая жизнь, в которую ему предстояло войти с фонарём, картой и скальпелем. Без права на ошибку. Без права на жалость. С одним только правом — на ясность.

Он посмотрел на часы. 10:47. Алиса вернётся через пять минут, принесёт кофе — средняя обжарка, без сахара, — и скажет что-нибудь вроде «ну что, Шерлок, поехали». Он кивнёт. Они начнут.

Второе большое дело Бюро Аматорских Расследований было открыто.

И Марк знал: это дело изменит всех. Не только Марину и Андрея. Не только Алису. Его тоже. Каждое дело меняло его понемногу — как вода точит камень. И сегодня он чувствовал, что новый удар будет сильнее предыдущих. Потому что в этой истории, в этом «идеальном муже», в этой «идеальной жене» он видел отражение чего-то слишком знакомого.

Чего-то, что он прятал в себе так же глубоко, как Марина прятала свои слёзы.

Но об этом он подумает позже. Когда останется один. Когда Алиса уйдёт. Когда свет в кабинете погаснет и наступит та самая тишина, в которой слышно только собственное дыхание.

А сейчас — сейчас нужно работать.

Марина вышла на Рубинштейна. Снег всё ещё падал — мягкий, пуховый, как будто город решил заботливо укрыть всех, кто вышел из тёплых домов. Она стояла на крыльце Бюро, смотрела на серое небо и вдруг поняла: она впервые за семь лет чувствует что-то, кроме страха. Что-то, похожее на надежду. Маленькую, хрупкую, но реальную.

Она достала телефон. Набрала сообщение Алисе: «Спасибо. Я не знаю, что будет дальше, но спасибо».

Алиса ответила через минуту: «Ты сделала первый шаг. Остальное — мы вместе».

Марина убрала телефон в карман, застегнула пальто и пошла по улице. Снег падал на её ресницы, на её шарф, на её руки, которые больше не дрожали.

Она шла. Впервые за долгое время — не от кого-то. К себе.

В кабинете, за закрытой дверью, Марк стоял у доски и смотрел на линию между АГАПЕ и ПРАГМА. Он знал, что в этой линии — не просто граница между двумя понятиями. В этой линии — вся его работа. Вся его жизнь. И вся надежда, что эта жизнь имеет смысл.

Глава 2

Расписание любви

На следующее утро Марк приехал в Бюро в 07:45 — на час раньше обычного. Он не мог спать. Мысли о деле Кравцовых крутились в голове, как заевшая пластинка, и он наконец сдался, встал, принял душ, выпил эспрессо и вышел из дома, когда город ещё только начинал просыпаться. Его 1-я Сторге не терпела спешки, но впереди был день, который требовал чистой, не замутнённой никакими внешними раздражителями аналитики. Аналитики, которая должна была ответить на главный вопрос: что именно сломалось в человеке, который называет свою жену «лучшим активом в портфеле»?

Петербург прошёл за ночь через очередную метаморфозу. Снег, который вчера казался мягким и московским, за ночь превратился в лёд. Двор-колодец на Рубинштейна стал похож на каменный колодец-морозильник: лужи затянуло мутной стеклянной коркой, лестницы покрылись тонким, коварным налётом, а воздух пах железом и озоном — тот самый петербургский запах, который Марк любил больше любого парфюма. Запах города, который не притворяется тёплым.

Города, который говорит тебе правду с первого вдоха.

Он открыл кабинет своим ключом — Алисе он доверял дубликат, но она им почти не пользовалась; её биоритмы были настроены на десятичасовое прибытие с точностью плюс-минус семь минут, и она редко нарушала этот график, разве что по средам, когда заходила в пекарню на углу — и вот тогда её опоздание могло растянуться до пятнадцати минут. Марк знал все её маршруты, все её привычки, все её маленькие слабости — не потому что следил, а потому что его система автоматически собирала паттерны, как пылесос собирает пыль. Это было его проклятием и его даром одновременно.

Он включил настольную лампу, кофемашину и обогреватель. Ритуал. Порядок действий. Причина и следствие. Он делал это каждое утро в одной и той же последовательности: сначала свет, потом кофе, потом тепло. Никаких отклонений. Никаких «а может, сегодня не надо». Марк знал: если нарушить ритуал хотя бы раз, система даст сбой. А он не мог позволить себе сбой. Не сегодня.

В 08:00 ровно на столе лежали три предмета.

Первый — кожаная папка с материалами от Марины, которую она передала через Алису вчера вечером. Марк от-

крыл её и бегло просмотрел содержимое, чувствуя, как внутри нарастает то самое знакомое напряжение, которое всегда предшествовало началу нового дела. Внутри лежали: ежедневник Андрея за последние три месяца — Марина, как выяснилось, имела привычку фотографировать его страницы «на всякий случай». Марк мысленно поблагодарил её 1-й Эрос за эту паранойю, рождённую страхом потери. Она фотографировала его расписание, потому что боялась, что однажды он исчезнет, и она даже не будет знать, где он был, что он делал, с кем говорил. Она хотела контролировать его, потому что не могла контролировать ничего. И в этом не было вины — только боль.

Распечатки их переписок в мессенджерах — Марк быстро пролистал их, отмечая про себя тон, частоту, содержание. Копии медицинских карт обоих — на всякий случай, вдруг там найдётся что-то важное. И список «значимых событий» — двадцать семь пунктов от свадьбы до вчерашнего утра, написанный Марининым аккуратным, чуть детским почерком. Почерком женщины, которая писала так, как её учили в школе: ровно, красиво, без помарок. Почерком, который боялся ошибиться.

Второй предмет — его собственный блокнот. Чёрный, кожаный, с тиснёной буквой «В» на обложке. Блокнот, в который он записывал всё, что не мог доверить электронной

памяти. Блокнот, который Алиса однажды назвала «личным дневником сталкера с дипломом психолога». Она смеялась, когда говорила это, но Марк знал: она была права. Он действительно записывал всё: жесты, интонации, паузы, мелочи, которые другие не замечали. Он делал это не из любви к порядку — он делал это, потому что боялся забыть. Боялся, что если не запишет, то потеряет что-то важное. А потерять важное для него было равносильно смерти.

Третий — чашка эспresso. Семнадцать граммов Эфиопии средней обжарки, экстракция двадцать шесть секунд, объём тридцать четыре миллилитра. Идеально. Марк поднёс чашку к губам, вдохнул запах — горький, терпкий, с нотами шоколада и цитруса — и сделал первый глоток. Кофе обжёг язык, но он не обратил внимания. Он был в своей стихии. В своей зоне. В своей клетке, которая казалась ему домом.

Он надел очки, поправил свет так, чтобы он падал на стра-
ницу под углом тридцать пять градусов — большой угол да-
вал блики, малый утомлял глаза за полчаса, он вычислил это
опытным путём ещё в университете и с тех пор не изменял
— и открыл Маринин список значимых событий.

Семь лет брака, двадцать семь пунктов. Он прочитал его
за три минуты.

Потом закрыл. Снял очки. Посмотрел в окно. Надел очки снова. Прочитал ещё раз.

«Боже мой», — сказал он вслух. Голос прозвучал глухо в пустом кабинете, и Марк вдруг понял, что говорит сам с собой. Это случилось с ним, когда он был потрясён. А он был потрясён. Глубоко. До костей.

Это был не список событий. Это был отчёт о работе инвестиционного фонда.

«2017, сентябрь — свадьба. Андрей оплатил всё, включая платье (Priscilla Welch, 18 000 евро) и поездку на Сейшелы». «2018, январь — Андрей купил мне квартиру на Крестовском. Сказал, что это «для стабильности»». «2018, июнь — я уволилась из галереи. Андрей предложил. Сказал, что мне не нужно работать «для денег». Что он обеспечит. Что я должна «заниматься собой»». «2019, март — я захотела пойти курсы по истории искусств. Андрей оплатил. Сказал, что это «хорошая инвестиция в мой личный бренд»». «2019, октябрь — первая поездка в Комарово. Андрей арендовал дом на три месяца вперёд. По графику: пятница-воскресенье, две недели в месяц. Сказал, что «так эффективнее — не нужно каждый раз искать»». «2020, апрель — пандемия. Андрей закрыл меня в квартире. Доставка еды, витаминов, развлекательные подписки — всё организовал. Я не выходи-

ла из дома четыре месяца. Я... я даже рада была. Мне было не страшно. Он же обо всём позаботился». «2021, февраль — я предложила завести ребёнка. Андрей посмотрел на меня долго и сказал: «Давай отложим до 2023. Сейчас нестабильный квартал. Я не хочу рисков». Я не поняла, что он имел в виду. Но согласилась». «2022, июль — я снова заговорила о ребёнке. Андрей сказал: «Давай обсудим в декабре, когда закроем год». В декабре он сказал: «Давай в марте». В марте — «давай в июне». Сейчас 2024. Январь. Мы не обсуждали ребёнка с октября». «2023, май — мой тридцатый день рождения. Андрей заказал ужин в «Astoria» на восемь человек. Сценарий вечера был расписан: 19:00 — аперитив, 19:30 — подача первого, 20:15 — тост, 20:30 — подача основного, 21:30 — торт, 22:00 — кофе. В 22:30 он встал и сказал: «Спасибо всем, завтра рабочий день». И мы ушли. Я хотела плакать. Но я не плакала».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.